

Наибольшую активность актантная цитация приобретает в литературе второй половины XX века или, уже, в литературе постмодернизма. Интригообразующим фактором она является, например, в романах Д. Фаулза («Маг»), Г. Грасса («Широкое поле»), М. Каннигема («Часы»), в повести А. Байетт («Джин из бутылки стекла соловьиный глаз»), в рассказах Г. Айзенрайха («Приключение как у Достоевского»), Е. Пильха («Монолог из норы») и в других произведениях.

Изучение актантной цитации позволит уяснить некоторые неявные тенденции, характерные для европейского литературного развития, а также выйти за рамки постструктуралистской теории цитации, исходящей из ее деперсонализирующей функции.

Примечания:

1. Рикер П. Что меня занимает в последние 30 лет // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 85.
2. Рикер П. Повествовательная идентичность // Там же, с. 34.
3. Лотман Ю. М. Культура и программы поведения // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.

© Чернышов М. Р.
г. Екатеринбург

О ХРИСТИАНСКИХ АРХЕТИПАХ В СКАЗКЕ ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»

Тему «Немецкий романтизм и религия» традиционно связывали с деятельностью участников йенского и гейдельбержского кружков. В творчестве одного из самых ярких и популярных романтических писателей Э. Т. А. Гофмана, наследника обеих этих школ, религиозная проблематика явно не выражена, однако и его произведения содержат некоторые скрытые христианские аллюзии в виде культурных архетипов.

Фантастика новеллы-сказки «Золотой горшок» в основном фольклорно-сказочная, языческая. Тем не менее в новелле явственно присутствует христианский подтекст. Прямой ввод элементов христианского миропонимания содержится в сцене участия Вероники (симпатичной мещаночки, соперничающей со сказочной Серпентиной за любовь студента Ансельма) в колдовском ритуале: лицо девушки ясно выражает «ее испуг, ее ужас, судорожно сжатые маленькие руки подняты вверх, как бы в мольбе к ангелам-хранителям защитить ее от адских чудовищ...». В конце, смирившись с тем, что Ансельм предназначен не ей, и отступаясь от колдовства, сама Вероника говорит о «сатанинских чарах». Обыватели — тоже добрые христиане, и хотя бы это может примирить с ними автора.

Динамика образов Ансельма и Вероники — важнейшая составляющая христианского подтекста новеллы. На наш взгляд, оба эти персонажа представляют собой архетипы библейского и апокрифического происхождения. Ансельм, медленно, сопротивляясь и отступая, эволюционирующий по воле и под наблюдением Линдгорста от молодого честолюбца-карьериста до истинного поэта, достойного жить в сказочной стране, — это архетип «пророка поневоле», который поначалу бежит от своей миссии, но в итоге принужден ее выполнить. В немецком романтизме первым этот тип нарисовал Шамиссо в своем «Петере Шлемиле». Однако Петер Шлемиль — весьма обобщенное воплощение человека, невольно попавшего в «романтическую ситуацию». История же Ансельма прямо отсылает к само-

му известному библейскому «пророку поневоле» — Ионе. Обоих призывает могущественный и строгий покровитель и в кульминационный момент отступничества подвергает необычному заключению: Иону — в чрево кита, Ансельма — в стеклянную банку, после чего те окончательно примиряются с судьбой и уже по доброй воле идут выполнять свою миссию.

Первая ступень эволюции Вероники (обычный земной человек вступает в контакт с потусторонними силами и получает от них некоторые сверхъестественные способности) напоминает начало истории Фауста, но разница масштабов личностей не дает возможности возвести ее к этому архетипу. Гораздо ближе она к апокрифическим лжепророкам, вроде Симона-волхва, соперничавшего с Христом-чудотворцем с помощью магической силы, полученной от дьявола. До конца эта параллель не выдержана: христианская этика предписывает строжайшее наказание лжепророков, а поражение Вероники оборачивается ее земным счастьем (брак с надворным советником Геербрандом). Однако христианский подтекст не исчезает и здесь: отречение девушки от сатанических чар и принятие предназначенной ей земной судьбы (в наилучшем для нее варианте) лишь меняет один архетип на другой: лжепророка на блудного сына.